Полтава

Автор:
Александр Пушкин

Полтава

Александр Сергеевич Пушкин

«Тебе – но голос музы темной Коснется ль уха твоего? Поймешь ли ты душою скромной Стремленье сердца моего? Иль посвящение поэта, Как некогда его любовь, Перед тобою без ответа Пройдет, не признанное вновь…»

Александр Сергеевич Пушкин

Полтава

The power and glory of the war,

Faithless as their vain votaries, men,

Had pass’d to the triumphant Czar.

Byron[1 - Мощь и слава войны.Как и люди, их суетные поклонники,Перешли на сторону торжествующего царя.Байрон (англ.).]

Посвящение

Тебе – но голос музы темной

Коснется ль уха твоего?

Поймешь ли ты душою скромной

Стремленье сердца моего?

Иль посвящение поэта,

Как некогда его любовь,

Перед тобою без ответа

Пройдет, не признанное вновь?

Узнай, по крайней мере, звуки,

Бывало, милые тебе —

И думай, что во дни разлуки,

В моей изменчивой судьбе,

Твоя печальная пустыня,

Последний звук твоих речей

Одно сокровище, святыня,

Одна любовь души моей.

Песнь первая

Богат и славен Кочубей.

Его луга необозримы;

Там табуны его коней

Пасутся вольны, нехранимы.

Кругом Полтавы хутора

Окружены его садами,

И много у него добра,

Мехов, атласа, серебра

И на виду, и под замками.

Но Кочубей богат и горд

Не долгогривыми конями,

Не златом, данью крымских орд,

Не родовыми хуторами, —

Прекрасной дочерью своей

Гордится старый Кочубей.

И то сказать: в Полтаве нет

Красавицы, Марии равной.

Она свежа, как вешний цвет,

Взлелеянный в тени дубравной.

Как тополь киевских высот,

Она стройна. Ее движенья

То лебедя пустынных вод

Напоминают плавный ход,

То лани быстрые стремленья.

Как пена, грудь ее бела.

Вокруг высокого чела,

Как тучи, локоны чернеют.

Звездой блестят ее глаза;

Ее уста, как роза, рдеют.

Но не единая краса

(Мгновенный цвет!) молвою шумной

В младой Марии почтена:

Везде прославилась она

Девицей скромной и разумной.

Зато завидных женихов

Ей шлет Украйна и Россия;

Но от венца, как от оков,

Бежит пугливая Мария.

Всем женихам отказ – и вот

За ней сам гетман сватов шлет.

Он стар. Он удручен годами,

Войной, заботами, трудами;

Но чувства в нем кипят, и вновь

Мазепа ведает любовь.

Мгновенно сердце молодое

Горит и гаснет. В нем любовь

Проходит и приходит вновь,

В нем чувство каждый день иное:

Не столь послушно, не слегка,

Не столь мгновенными страстями

Пылает сердце старика,

Окаменелое годами.

Упорно, медленно оно

В огне страстей раскалено;

Но поздний жар уж не остынет

И с жизнью лишь его покинет.

Не серна под утес уходит,

Орла послыша тяжкий лёт;

Одна в сенях невеста бродит,

Трепещет и решенья ждет.

И, вся полна негодованьем,

К ней мать идет и, с содроганьем

Схватив ей руку, говорит:

«Бесстыдный! старец нечестивый!

Возможно ль?.. нет, пока мы живы,

Нет! он греха не совершит.

Он, должный быть отцом и другом

Невинной крестницы своей…

Безумец! на закате дней

Он вздумал быть ее супругом».

Мария вздрогнула. Лицо

Покрыла бледность гробовая,

И, охладев, как неживая,

Упала дева на крыльцо.

Она опомнилась, но снова

Закрыла очи – и ни слова

Не говорит. Отец и мать

Ей сердце ищут успокоить,

Боязнь и горесть разогнать,

Тревогу смутных дум устроить…

Напрасно. Целые два дня,

То молча плача, то стеня,

Мария не пила, не ела,

Шатаясь, бледная как тень,

Не зная сна. На третий день

Ее светлица опустела.

Никто не знал, когда и как

Она сокрылась. Лишь рыбак

Той ночью слышал конский топот,

Казачью речь и женский шепот,

И утром след осьми подков

Был виден на росе лугов.

Не только первый пух ланит

Да русы кудри молодые,

Порой и старца строгий вид,

Рубцы чела, власы седые

В воображенье красоты

Влагают страстные мечты.

И вскоре слуха Кочубея

Коснулась роковая весть:

Она забыла стыд и честь,

Она в объятиях злодея!

Какой позор!

Отец и мать

Молву не смеют понимать.

Тогда лишь истина явилась

С своей ужасной наготой.

Тогда лишь только объяснилась

Душа преступницы младой.

Тогда лишь только стало явно,

Зачем бежала своенравно

Она семейственных оков,

Томилась тайно, воздыхала

И на приветы женихов

Молчаньем гордым отвечала,

Зачем так тихо за столом

Она лишь гетману внимала,

Когда беседа ликовала

И чаша пенилась вином;

Зачем она всегда певала

Те песни, кои он слагал,

Когда он беден был и мал,

Когда молва его не знала;

Зачем с неженскою душой

Она любила конный строй,

И бранный звон литавр, и клики

Пред бунчуком и булавой[2 - Бунчук и булава – знаки гетманского достоинства.]

Малороссийского владыки…

Богат и знатен Кочубей.

Довольно у него друзей.

Свою омыть он может славу.

Он может возмутить Полтаву;

Внезапно средь его дворца

Он может мщением отца

Постигнуть гордого злодея;

Он может верною рукой

Вонзить… но замысел иной

Волнует сердце Кочубея.

Была та смутная пора,

Когда Россия молодая,

В бореньях силы напрягая,

Мужала с гением Петра.

Суровый был в науке славы

Ей дан учитель: не один

Урок нежданный и кровавый

Задал ей шведский паладин.

Но в искушеньях долгой кары

Перетерпев судеб удары,

Окрепла Русь. Так тяжкий млат,

Дробя стекло, кует булат.

Венчанный славой бесполезной,

Отважный Карл скользил над бездной.

Он шел на древнюю Москву,

Взметая русские дружины,

Как вихорь гонит прах долины

И клонит пыльную траву.

Он шел путем, где след оставил

В дни наши новый, сильный враг,

Когда падением ославил

Муж рока свой попятный шаг.

Украйна глухо волновалась.

Давно в ней искра разгоралась.

Друзья кровавой старины

Народной чаяли войны,

Роптали, требуя кичливо,

Чтоб гетман узы их расторг,

И Карла ждал нетерпеливо

Их легкомысленный восторг.

Вокруг Мазепы раздавался

Мятежный крик: пора, пора!

Но старый гетман оставался

Послушным подданным Петра.

Храня суровость обычайну,

Спокойно ведал он Украйну,

Молве, казалось, не внимал

И равнодушно пировал.

«Что ж гетман? – юноши твердили, —

Он изнемог; он слишком стар;

Труды и годы угасили

В нем прежний, деятельный жар.

Зачем дрожащею рукою

Еще он носит булаву?

Теперь бы грянуть нам войною

На ненавистную Москву!

Когда бы старый Дорошенко

Иль Самойлович молодой,

Иль наш Палей, иль Гордеенко

Владели силой войсковой,

Тогда б в снегах чужбины дальной

Не погибали казаки,

И Малороссии печальной

Освобождались уж полки».

Так, своеволием пылая,

Роптала юность удалая,

Опасных алча перемен,

Забыв отчизны давний плен,

Богдана счастливые споры,

Святые брани, договоры

И славу дедовских времен.

Но старость ходит осторожно

И подозрительно глядит.

Чего нельзя и что возможно,

Еще не вдруг она решит.

Кто снидет в глубину морскую,

Покрытую недвижно льдом?

Кто испытующим умом

Проникнет бездну роковую

Души коварной? Думы в ней,

Плоды подавленных страстей,

Лежат погружены глубоко,

И замысел давнишних дней,

Быть может, зреет одиноко.

Как знать? Но чем Мазепа злей,

Чем сердце в нем хитрей и ложней,

Тем с виду он неосторожней

И в обхождении простей.

Как он умеет самовластно

Сердца привлечь и разгадать,

Умами править безопасно,

Чужие тайны разрешать!

С какой доверчивостью лживой,

Как добродушно на пирах,

Со старцами старик болтливый,

Жалеет он о прошлых днях,

Свободу славит с своевольным,

Поносит власти с недовольным,

С ожесточенным слезы льет,

С глупцом разумну речь ведет!

Не многим, может быть, известно,

Что дух его неукротим,

Что рад и честно, и бесчестно

Вредить он недругам своим;

Что ни единой он обиды,

С тех пор как жив, не забывал,

Что далеко преступны виды

Старик надменный простирал;

Что он не ведает святыни,

Что он не помнит благостыни,

Что он не любит ничего,

Что кровь готов он лить, как воду,

Что презирает он свободу,

Что нет отчизны для него.

Издавна умысел ужасный

Взлелеял тайно злой старик

В душе своей. Но взор опасный,

Враждебный взор его проник.

«Нет, дерзкий хищник, нет, губитель! —

Скрежеща, мыслит Кочубей, —

Я пощажу твою обитель,

Темницу дочери моей;

Ты не истлеешь средь пожара,

Ты не издохнешь от удара

Казачьей сабли. Нет, злодей,

В руках московских палачей,

В крови, при тщетных отрицаньях,

На дыбе, корчась в истязаньях,

Ты проклянешь и день и час,

Когда ты дочь крестил у нас,

И пир, на коем чести чашу

Тебе я полну наливал,

И ночь, когда голубку нашу

Ты, старый коршун, заклевал!..»

Так! было время: с Кочубеем

Был друг Мазепа; в оны дни,

Как солью, хлебом и елеем,

Делились чувствами они.

Их кони по полям победы

Скакали рядом сквозь огни;

Нередко долгие беседы

Наедине вели они —

Пред Кочубеем гетман скрытный

Души мятежной, ненасытной

Отчасти бездну открывал

И о грядущих измененьях,

Переговорах, возмущеньях

В речах неясных намекал.

Так, было сердце Кочубея

В то время предано ему.

Но, в горькой злобе свирепея,

Теперь позыву одному

Оно послушно; он голубит

Едину мысль и день и ночь:

Иль сам погибнет, иль погубит —

Отмстит поруганную дочь.

Но предприимчивую злобу

Он крепко в сердце затаил.

«В бессильной горести, ко гробу

Теперь он мысли устремил.

Он зла Мазепе не желает;

Всему виновна дочь одна.

Но он и дочери прощает:

Пусть богу даст ответ она,

Покрыв семью свою позором,

Забыв и небо, и закон…»

А между тем орлиным взором

В кругу домашнем ищет он

Себе товарищей отважных,

Неколебимых, непродажных.

Во всем открылся он жене:

Давно в глубокой тишине

Уже донос он грозный копит,

И, гнева женского полна,

Нетерпеливая жена

Супруга злобного торопит.

В тиши ночной, на ложе сна,

Как некий дух, ему она

О мщенье шепчет, укоряет,

И слезы льет, и ободряет,

И клятвы требует – и ей

Клянется мрачный Кочубей.

Удар обдуман. С Кочубеем

Бесстрашный Искра заодно.

И оба мыслят: «Одолеем;

Врага паденье решено.

Но кто ж, усердьем пламенея,

Ревнуя к общему добру,

Донос на мощного злодея

Предубежденному Петру

К ногам положит, не робея?»

Между полтавских казаков,

Презренных девою несчастной,

Один с младенческих годов

Ее любил любовью страстной.

Вечерней, утренней порой,

На берегу реки родной,

В тени украинских черешен,

Бывало, он Марию ждал,

И ожиданием страдал,

И краткой встречей был утешен.

Он без надежд ее любил,

Не докучал он ей мольбою:

Отказа б он не пережил.

Когда наехали толпою

К ней женихи, из их рядов

Уныл и сир он удалился.

Когда же вдруг меж казаков

Позор Мариин огласился

И беспощадная молва

Ее со смехом поразила,

И тут Мария сохранила

Над ним привычные права.

Но если кто хотя случайно

Пред ним Мазепу называл,

То он бледнел, терзаясь тайно,

И взоры в землю опускал.

.....

Кто при звездах и при луне

Так поздно едет на коне?

Чей это конь неутомимый

Бежит в степи необозримой?

Казак на север держит путь,

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Мощь и слава войны.

Как и люди, их суетные поклонники,

Перешли на сторону торжествующего царя.

Байрон (англ.).

2

Бунчук и булава – знаки гетманского достоинства.

Купить: https://tellnovel.com/ru/aleksandr-pushkin/poltava-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить